

«Дать сегодня же Народного!», — велел Брежнев

Откликаясь на предложение ветерана СК Ю.П. Федянина, мы начинаем публиковать интервью с актерами, которых знают все. И первый наш собеседник — Петр Глебов, отметивший 14 апреля свое 85-летие.

Далеко не у каждого артиста такая богатая родословная и такая «дворянская косточка», как у Петра Петровича Глебова. Актер-фронтвик, знакомый нам по фильмам «Тихий Дон», «Моцарт и Сальери», «Мужики!» и многим другим, — бывалый охотник. Он по-прежнему зорок и бодр, так же, как и двадцать-сорок лет назад, ходит и на лося, и на дичь. Хотя, может, и не дворянское это дело — лежать в утренней росе в засаде да крякать уткой, подманывая селезней. Но Глебов крякает, и еще как! Селезни летят к нему пулей...

Петр Глебов

— Что помнится из далекого детства, Петр Петрович?

— Я родился в 1915-м в Москве, в переулке Грановского. Помню 1917 год, стрельбу помню. Потому что убили нашу любимую собаку — пойнтера. Помню, внизу у нас была детская комната, там был вольтер, в котором стояли кустики, деревья и жили наши райские птицы — снегирь, синица. Сойка была, которая повсюду летала и засовывала всем в ботинки орешки. Помню уют нашего дома, милую семью и этих птиц, которых разводил отец, заядлый охотник. Когда однажды чужая кошка забралась к нам и съела канарейку, папа выхватил шашку и разрубил кошку на паркетном полу пополам. Помню, как папа читал нам на берегу книги «Князь Серебряный». Помню, как папа ходил на тягу вальдшнепов с ружьем под пальто, а мы бегали за ним и подбирали подбитых птиц.

— Отец и привил вам навыки в охоте?

— Папа умер от тифа, когда мне было шесть лет. Он ездил отбирать коней для Красной армии, и когда умер, то был напечатан некролог о замечательном человеке — Петре Глебове, помогавшем становлению Советской власти. Хоть родом он был из дворян...

— В двух словах о вашей родословной...

— Мой дедушка Владимир Петрович женился на Софье Николаевне Трубецкой, красавице, хозяйке имения Узкое. За ней в свое время ухаживал Лев Николаевич Толстой (потом в память об их дружбе бабушка подарила ему коня). Сама бабушка, надо сказать, с коня не слезала: травила борзыми волков и лис. С нее Толстой и писал отчасти характер Наташи Ростовской. В знаменитой сцене пляски Наташи после охоты из «Войны и мира» абсолютно точно передан характер бабушки.

— И как же сложилась судьба прототипа Наташи Ростовской?

— У нее было восемь детей, а старшим был мой папа — Петр Владимирович. Его сестра — моя тетя Саша — вышла замуж за сына Льва Николаевича, Михаила. Так что не так давно мы отмечали день памяти моего двоюродного брата Сергея Михайловича Толстого, писателя и врача, оставившего замечательные книги, в частности, о детстве Льва Толстого... Моя мать — урожденная Михалкова, а знаменитый поэт Сергей Владимирович Михалков является моим двоюродным братом. Следовательно, Никита Михалков — мой племянник, которого я учил и жизни, и охоте.

— То есть фамилия Глебовых была весьма весомой?

— Ну смотрите: Англия покупала шерсть только глебовских овец, на всех ипподромах скакали глебовские рысаки, и лучшие гончие — глебовские.

— Вы как-то рассказывали, что после революции родители увезли вас в деревню. Подальше, видимо, от возможных репрессий, которым подвергались дворяне...

— Да, в михалковское имение Назарьево, где в то время уже организовали коммуну. Папа работал завхозом в этой коммуне. Но ни про какие репрессии я тогда слыхом не слыхивал, да и про свое дворянство ничего не знал. Был простым мальчишкой. С другими ребятами ходил в ночное. Ездил на лошади без седла. С весны до поздней осени не носил никакой обуви (благодаря чему закалялись). Шла нормальная жизнь среди дачников. Были бедными, полураздетыми, и маме приходилось ходить за провиантом за пять километров на станцию Жаворонки. Зато среди наших соседей были замечательные представители московской интеллигенции: например, певец Каплер, который ходил по полям в толстовке и шляпе, распевая свои арии, Станиславский жил со своей женой Марией Петровной и иной раз даже с нами репетировал, что-то подсказывал.

— Но вы же были ребенком?..

— Дело в том, что мой старший брат Григорий Кристи был с детства влюблен в театр и лет с пяти строил у нас дома декорации, делал спектакли с соседскими детьми, в которых высмеивались жители нашего поселка. Я принимал в них участие, играя комические роли. Например, Панталоне у меня та-

кой смешной был в «Трех апельсинах». Мы притаскивали в овраг одеяла, разные предметы и играли.

— Теперь понятно, почему вы подались в артисты.

— Да нет: сначала я закончил мелиоративно-дорожный техникум (я маме сказал, что готов учиться где угодно, но только, чтобы было связано с природой) и поехал в город Богучар заниматься осушением реки. Год я проработал техником на болотах, составляя карту для будущего осушения реки Богучарки. А вот уже потом я попал учиться в оперно-драматическую студию Станиславского. Наш курс был у него последним.

— Не удивительно, что актерская судьба вас не миновала. Вспоминается заповедный восторг Брежнева по поводу вашей работы в «Тихом Доне»...

— Да, Леонид Ильич вдруг увидел «Тихий Дон». До этого, оказалось, он картину не смотрел. Прослезился, спрашивает: «Кто такой этот Глебов?». Ему говорят: «Заслуженный артист» — «Дать сегодня же народного». Потом посмотрел мои документы: «Оказывается, Глебов Москву защищал, а у него только медали. Дать ему орден Ленина!». — Ему отвечают: «Леонид Ильич, нельзя в один день два указа Верховного совета по поводу одного человека принимать». — «Ну, — говорит, — сделайте в порядке исключения. Орден Ленина от меня».

— А другие руководители вас так не привечали?

— Хрущев мне квартиру дал в один день. Правда, после того, как я по настоянию своей родни написал ему, что мне трудно работать над третьей серией «Тихого Дона», живя с женой, няней и двумя дочками в коммуналке.

— Как вы, кстати, попали к Герасимову в «Тихий Дон»?

— Кто-то сказал, что я хорошо играю на сцене офицеров, а работал я тогда в театре им. Станиславского, и меня взяли на студию им. Горького в массовку, изображавшую окружение актера, пробовавшегося у Сергея Герасимова на роль Мелехова. Мы в казачьих костюмах сидели за столом, темпераментно говорили какие-то фразы. И вдруг Герасимов спрашивает про меня: «Кто это?» Никто не знает. А после съемки Сергей Аполлинариевич приглашает меня к себе в машину и по дороге начинает расспрашивать. Выяснил, что я с детства на коне без седла скачу, и косить, и пахать умею, множество песен казачьих знаю. Тут же в машине и начал петь. Позже, я знаю, Герасимов говорил, что Глебова ему сам бог послал.

— Съемки на Дону чем вам запомнились? Ведь прошло больше сорока лет.

— Когда мы снимали, во всем районе запрещалось работать тракторам, самолетам, чтобы моторы не тарахтели. Звук

тогда писали сразу, синхронно, чтобы все было натурально. А когда мы потом привезли в станицу Шолохову, пленка сутками крутилась в клубе. Занкманывали сеансы и зал снова заполнялся. А мы сидели у Шолохова выпивали, закусывали, потом шли в зал на сцену, что-то говорили. Шолохов был добрейший, демократичнейший человек. Казалось, что я ему? Нет, утром после нашей разгульной ночи, когда мы поставили на уши весь район, будит меня — несет две бутылки шампанского и двух лещей. А если спросишь у него, как нужно было тут играть, отмахивается: «Читайте книжку, там все написано». Потом говорил, что «фильм идет в одной дышловой упряжке с романом».

— Ну, а верна ли байка, что вы играли Мелехова с наклеенным носом?

— Так мне же надо походить на литературный образ. Георгий происходил от турок, был горбоносый, а у меня нос немного другой формы. Вот замечательный гример Алексей Смирнов и доказал на моем примере, что не только в театре, но и в кино можно играть с накладным гримом. Сварил специальный эластичный гуммоз и каждый день часа четыре лепил мне мелеховский нос. Вечером же я скатывал его в шарик и хранил на подоконнике хаты, где мы во время съемок жили с женой и дочкой. Лена, теперь тоже актриса, только начинала ходить, хватала все подряд. И вот пропал мой шарик. Спрашиваем у Лены, а она только: «Ляля — ням-ням». Даже в ее горшке искали — без толку. Пришлось новый гуммоз заказывать.

— Для миллионов зрителей вы стали олицетворением народной удали, про-

«Тихий Дон»

стои... А не хотелось ли вам восстановить свои дворянские корни?

— Мой дед был крупным помещиком, предводителем дворянства Калужской губернии. До сих пор на берегу Оки стоит в Тарасовке его дом, который городская администрация предлагала мне забрать. Но там ни крыши нет, ни туалета, ни окон. Стоит лишь остов этого замка. Мы приехали туда с дочерью и ее мужем-строителем и увидели, что на восстановление нужны просто безумные деньги: на бетон, на грузовики и тракторы. А денег у нас таких, конечно, нет. И мы отказались от этой затеи.

«СКН» от души поздравляет Петра Петровича с юбилеем и желает ему как охотнику — зоркости глаза, как певцу — зычного голоса (а он до сих пор на выступлениях поет под гитару) и как замечательному актеру — новых ролей.

Петр ЧЕРНЯЕВ

СК Новости — 2000. — 14 апр. — С. 8